

К Р О К О Д И Л

556

411

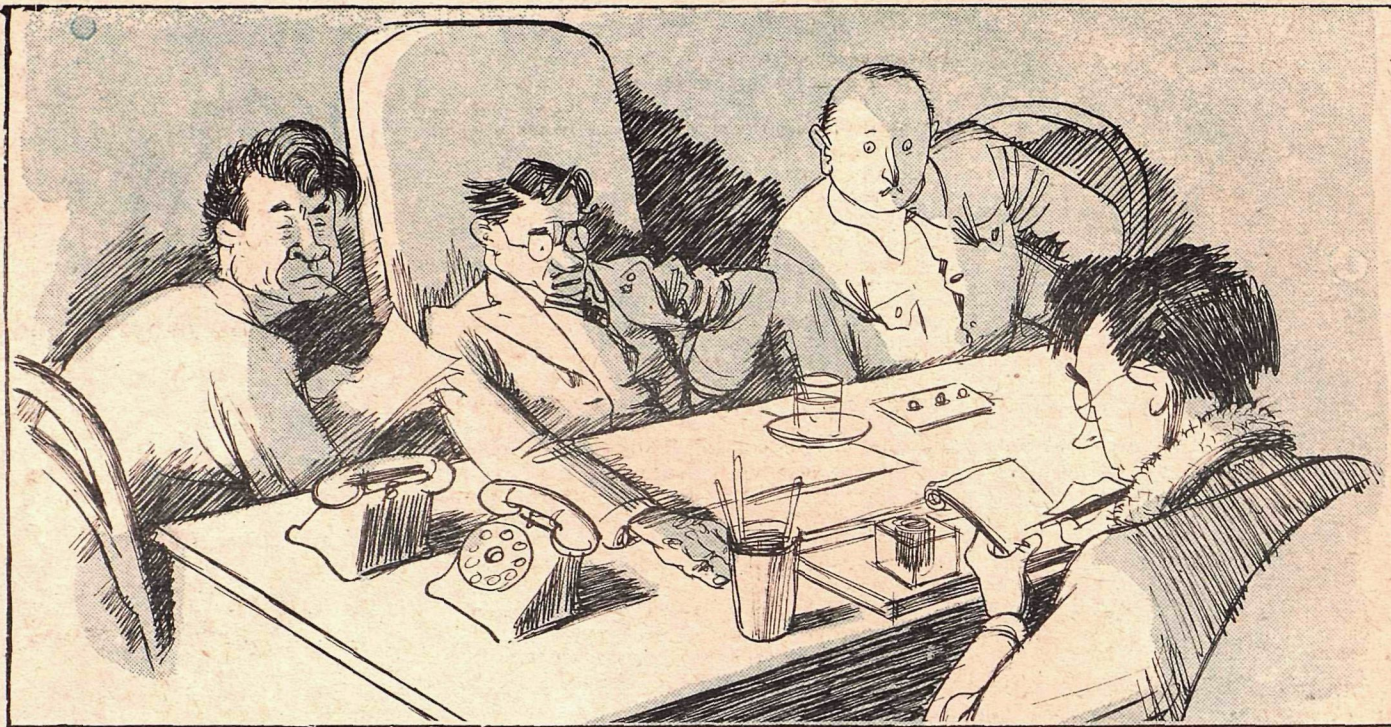

БЕЗ НАУКИ НЕ ПОЙМЕШЬ

- Снеси-ка это в лабораторию. Пусть установят.
- Что?
- Если это металл, то процент грязи, а если грязь, то процент металла.

Рис. Л. Генча

Рис. Б. Клинка

— Что вы делаете, чтобы не было в магазине очереди за жалобной книгой?

— Предполагаем завести еще три книги.

Открытый ответ

начальнику Московского радиокомитета тов. Лаврентьеву

Уважаемый товарищ начальник!

Я получил от Вас письмо, в нем Вы предлагаете ответить Вам «письменно или по телефону». Поразмыслив над вопросом о наиболее подходящих средствах общения с Вами, я избираю не письмо и не телефон, а «страницы Крокодила».

Ваше письмо, товарищ начальник, начинается очень грозно. Вы сухо, строго, деловито сообщаете, что по моему лицевому счету на 15 марта числится задолженность по абонементной плате за 3 и 4 кварталы 1940 года в сумме 18 рублей. Вы предлагаете немедленно погасить эту задолженность вместе со штрафом. Вы угрожаете, что в случае непогашения задолженности Вы без суда и следствия, не входя ни в какие объяснения со мной, взыщете из моей заработной платы.

Вот, очень ясно: Вы, товарищ начальник, строгий и неуспящий страж государственных интересов; я недостойный абонент, злостный неплательщик, существо, заслуживающее того, чтобы с ним обращались так сурово. Вы смотрите на меня сверху вниз, распаекаете меня, Вы говорите, как начальник, как неутомимый судья. Я на расстоянии вижу Ваши холодные глаза, брезгливую усмешку на Ваших устах. Я понимаю Вас: как же иначе разговаривать с презренным неплательщиком?!

Но вот чего я не понимаю, вот что приводит меня в недоумение: после приведенных выше грозных Ваших слов следуют в печатном тексте письма такие странные строки:

«Если Вами уплата за радиослушание была произведена своевременно, просьба сообщить письменно или по телефону, в какое почтовое отделение, когда и № квитанции».

Это не я подчеркнул слово «просьба». Это Вы, товарищ начальник, чернилами подчеркнули слово «просьба». Вы просите, товарищ начальник! Вы допускаете милостиво, что я уплатил своевременно. В Ваших глазах, только что столь холодных, я вижу сомнение, нерешительность. И чтобы усилить это впечатление от Вашего душевного раздвоения, Вы, товарищ начальник, приписываете чернилами:

«Просим проверить Вашу уплату: 1940 г. 21.V I и II кв.—18 р., 1941 г. 21.II I и II кв.—18 руб., III и IV кв.—нет?»

«Нет?» Мне, товарищ начальник, больше всего понравился этот вопросительный знак. Я читаю в нем сомнение, неуверенность, незнание. Я вижу в нем трогательную Вашу беспомощность. Это, право, не вопросительный, а умильтельный знак.

Вы не знаете, товарищ начальник, уплатил я или нет. Может быть, я недостойный неплательщик, а может быть, я образец плательщика, абонент, достойный уважения. Может быть, я охраняю государственные интересы не хуже, а лучше Вас. К примеру, Вы обязаны знать, платил я или нет, а Вы не знаете, Ваш трогательный вопрос «нет?» свидетельствует о полнейшем беспорядке в делах вверенного Вам учреждения.

Но в таком случае, товарищ начальник, какое право, какое основание Вы имели писать мне грозное письмо, предлагать мне, угрожать мне? Знаете ли Вы, как называется угроза, лишённая основания? В просторечии это называется «взять на пушку». Вы пробуете: а вдруг действительно гражданин абонент не уплатил? Он испугается и заплатит. А если он своевременно произвел надлежащий взнос? Где же, товарищ начальник, Вы учились такому обращению с советскими гражданами? Откуда Вы взяли этот тон угроз, не потрудившись даже проверить, обоснованы ли Ваши угрозы?

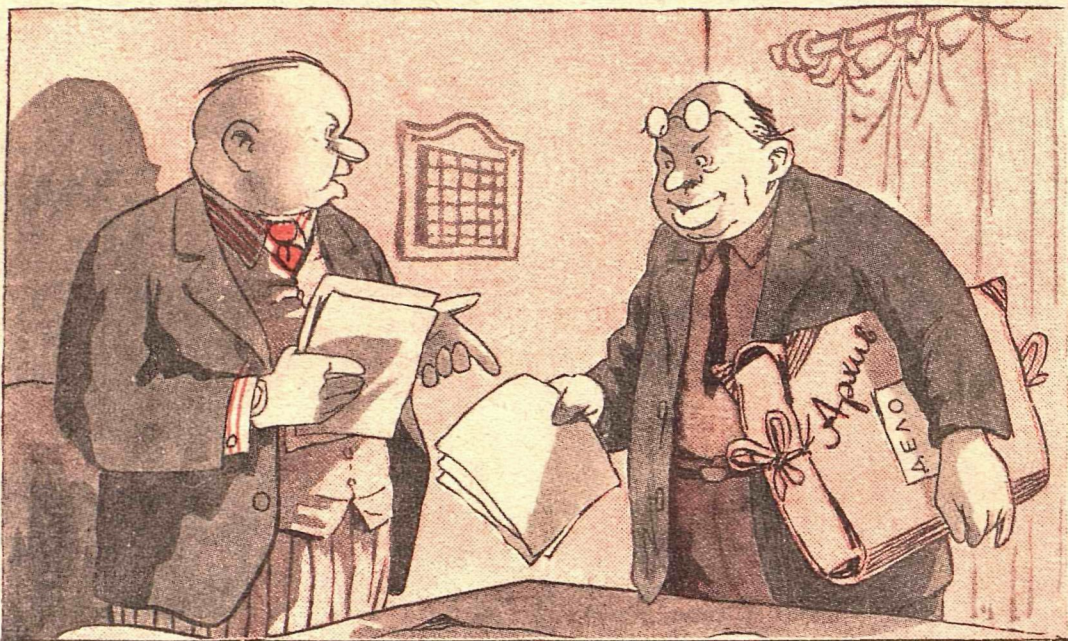
Вы просите меня проверить, платил я или нет. А зачем мне проверять? Я совершенно точно знаю, платил я или нет. А вот Вы не знаете. Так извольте же Вы проверять. И только после проверки, установив факт уплаты или неуплаты, пишите письма, пишите в полном соответствии с фактами.

Я думаю, товарищ начальник, что Ваши угрозы дают мне право преподать Вам совет: первое—наведите же порядок в своем учреждении, будьте начальником не только по тону Вашего разговора с людьми, но и по ревностной охране государственных интересов; второе—научитесь разговаривать с людьми.

Уверяю Вас, что я охотно выполнил бы Вашу просьбу и помог бы Вам разобраться в сложном вопросе, платил я или не платил, если бы с самого начала Вы так и написали: «Дорогой абонент, я ничего не знаю, проверить своими силами не могу, помогите мне». Я сейчас же удовлетворил бы Вашу просьбу.

С уважением абонент № 181
Д. ЗАСЛАВСКИЙ.

Рис. Г. Валька

— Пора, наконец, перейти от слов к делу: немедленно подшейте стенограмму актива.

Муж-обманщик

ГДЕ-ТО вдали пробили часы.

Полночь. В небесах горят звезды. А немного пониже, в кабинете товарища Орлова, идет заседание.

Сильно накурено. Семнадцатый оратор говорит:

— Я хочу, товарищи, остановиться на следующем животрепещущем вопросе. Вот заседаем мы третью ночь, а никто из ораторов не остановился...

Завзвел телефон. Оратор остановился.

Товарищ Орлов вздрогнул.

«Она!» — подумал он и мгновенно изменился в лице. Заикаясь, сказал секретарю:

— Петр Потаныч... возьмите трубку... Если женский голос, скажите... меня здесь нет.

Секретарь понимающе кивнул и взял трубку:

— Алло! Вам кого? Товарища Орлова? Ах, это Мария Михайловна. Здравствуйте. Его здесь нет. И не будет. Заседание? Что вы, Мария Михайловна, никакого заседания. Да мы уж третью ночь как не заседаем. Всего доброго, Мария Михайловна.

Положив трубку, секретарь доложил:

— Очень нервничает.

Товарищ Орлов счел долгом объяснить собравшимся причину своего волнения:

— Видите ли, товарищи, это звонила жена. Она у меня очень хорошая женщина. Очень культурная. Две газеты читает. В Дом актера ходит. И характер неплохой. Но последнее время пилит меня с утра до вечера. Она против того, что я так много заседаю. Вот за это и пилит. Особенно это началось после того, как нас в газете пробрали в заметке «Заседают много, а толку мало». Вот и скрываюсь... Ну, ничего. Продолжайте, товарищ Пискунов.

Семнадцатый оратор начал свою прерванную речь сначала:

— Я хочу, товарищи, остановиться на следующем животрепещущем вопросе. Вот заседаем мы третью ночь, а никто из ораторов не остановился...

Товарищ Орлов вдруг вскочил с места:

— Остановитесь, товарищ Пискунов. Одну минутку. Надо все-таки позвонить домой. А то она волноваться будет. Вы пока, товарищи, пейте чай. И вы, товарищ Пискунов, выпейте чашечку.

Он начал набирать номер телефона — и все заметили, что рука у мужественного товарища Орлова ходуном ходила.

— Машенька, это ты? Это я. Что? Что? Не понимаю, ты всегда была уравновешенной,

и вдруг такие подозрения. Разве я тебя когда-нибудь обманывал? Пятнадцать лет живем с тобой хорошо, соседи завидуют, а ты вдруг начала во мне сомневаться. Ну клянусь тебе, я не на заседании. Терпеть не могу заседаний. Раньше — да, а теперь — нет. Мимолетное увлечение — и больше ничего. Смотреть не могу на заседания. Ну вот опять не веришь? А кто тебе сказал? Жена Ковалева? Она посмела сказать, что я ушел на заседание? Кухонные сплетни — и больше ничего. Пусть она лучше за своим муженьком следит: он сегодня опять в Главтопе заседает. Ей-ей, заседает, люди видели. А я себе ничего такого не позволю. Я сейчас как раз у Ксении Семеновны. Это моя старая приятельница. Очень симпатичная женщина, ей-ей. А ты вдруг — заседания! Это в моем-то возрасте! Даже смешно. Вчера? Тоже не засадал. Даю слово, что нет. Провел вечер у одной моей знакомой. Сипликина — фамилия. Очаровательная девушка. А тебе все мерещатся заседания. Ты меня не жди, ложись спать. Я вернусь поздно. Вероятно, засижусь у Ксении Семеновны. Ну, пока..

Он положил трубку. Облегченно вздохнул и оглядел собравшихся взглядом победителя:

— Ловко это я ей, а? Ну, ничего. Кажется, поверила. Продолжайте, товарищ Пискунов.

Семнадцатый оратор приступил к делу:

— Я хочу, товарищи, остановиться на следующем животрепещущем вопросе. Вот заседаем мы третью ночь, а никто из ораторов не остановился...

Вдруг дверь жалобно скрипнула. На пороге появилась высокая седая женщина в очках.

Орлов вскочил ни жив, ни мертв. Его бледные губы шептали:

— Теща! Застукала!

Седая женщина ничего не сказала. Ни слова. Она только посмотрела на Орлова. Ее взгляд сказал многое. «Вы обманули мою дочь, тиран!» — сказал этот взгляд.

Она повернулась и с поникшей головой вышла из комнаты.

Орлов совершенно ошарашен. Наконец, очухался, выпил залпом стакан холодного чая и хрипло произнес:

— Ну, ничего... Продолжайте, товарищ Пискунов.

Семнадцатый оратор начал:

— Я хочу, товарищи, остановиться на следующем животрепещущем вопросе. Вот заседаем мы третью ночь, а никто из ораторов не остановился...

Г. РЫКЛИН

Благородная мысль осенила архитектора Сокольского — превратить периферию в цветущий сад. Ради этой великолепной идеи Сокольский готов на всяческие жертвы. Он готов даже поступиться своим отдыхом, о чем он и не замедлил оповестить городские советы Ивановской области на своем фирменном бланке:

Благоустройство территорий и зеленостроительство
АРХИТЕКТОР
 ИНЖЕНЕР — ДЕНТРОЛОГ
 СОКОЛЬСКИЙ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

г. Иваново, Зеленая ул. № 38
 Секретарю-управделами Горсовета

Будьте любезны вместе со своей почтой разослать мой адреса директорам заводов и ф-к В/р-на и города. В данное время я отдыхаю в г. Иваново и могу помочь консультацией и пр.

А. И. С.

А к сему бланку Сокольский приложил маленькие бланки, на которых начертил:

Директору...

Могу уделить внимание и Вам.

А. И. С.

Судя по тому, как блестяще Сокольский озаботился и благоустроивает своими бланками периферию, он действительно большой специалист, и жаль, что он ограничивает сферу своей деятельности Ивановской областью.

Надеемся, читатели Крокодила, разбросанные по всей нашей стране, воспользуются нашей любезностью и уделят внимание Сокольскому, благо его ивановский адрес известен.

К ВОПРОСУ О ДИСТАНЦИЯХ

Точно установлено, что между тов. Григоренко, начальником 11-й дистанции Саратовского отделения Рязано-Уральской дороги, и детским врачом — дистанция огромного размера. Григоренко сам об этом откровенно заявил, когда его пригласили на лекцию о работе Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»:

— Я вам не детский врач, чтобы слушать лекцию о детских болезнях.

Возражать против такого веского аргумента довольно трудно. Но зато легко установить, что между начальником дистанции Григоренко и политическим невеждой Григоренко — дистанция уж не таких больших размеров.

УСТРОИЛСЯ

Рис. Б. Клинка

— Ну, что подельваете?
 — Ровно ничего.
 — Как, вы без работы?
 — Нет, я консультант.

Линейка

НИКАКОГО ОБМАНСТВА...

Рис. Д. Дубинского

В КОРИДОРЕ учреждения случайно встретился мне знакомый, которого, вообще говоря, видаю я не часто. Но тут я обрадовался ему, как потерпевший кораблекрушение радуется дымку парохода на горизонте.

Я схватил моего знакомого за рукав и за лацкан пиджака сразу (вернее!) и долго объяснял ему свое дело. Знакомый оказался человеком терпеливым и добрым. Он заявил:

— Лучше всего, я думаю, идите к товарищу Евстигнееву. Есть у нас такой товарищ Евстигнеев. Правда, он бывает иногда грубоват, зато правду-матку режет в глаза и советскую копейку тоже бережет. Если уж он скажет, что можно,—значит, можно, а нельзя,—значит, нельзя... Тянуть не будет...

С восторгом направился я к товарищу Евстигнееву. За соответствующим столом в соответствующей позе сидел товарищ Евстигнеев, человек с обветренным, кирпичного цвета лицом. Нижнюю челюсть его рисовал, как видно, художник-кубист, не признающий закругленных линий. Перхоть покрывала плечи, часть груди и спину. Мой знакомый подвел меня к Евстигнееву и начал было:

— Вот, товарищ Евстигнеев, этот гражданин хотел бы получить ответ...

Но Евстигнеев перебил хриплым голосом:

— Подождите,—сказал он,—граждане, кто взял мою линейку? У?

Произошла короткая пауза.

— Граждане, я говорю совершенно серьезно: у меня пропала линейка. Линейка не моя. Это принадлежащая государству вещь. За нее надо будет отвечать.

— Какая линейка, товарищ Евстигнеев? — робко спросила сотрудница, сидевшая за столом у двери.

— Зазубренная такая линейка, наверное, елового дерева. А может быть, соснового. Надо посмотреть в инвентарной описи. Я прошу вернуть линейку добровольно!.. Никто не возвращает? Очень хорошо! Значит, давайте искать линейку. К моему столу за последнее время подходила вон та гражданка... Я про вас говорю, именно про вас!

И Евстигнеев ткнул пальцем в девушку, которая скромно ожидала, чтобы кто-то из сотрудников кончил писать какую-то бумагу. Когда она увидела перст Евстигнеева, грозно указующий прямо на нее, она очень покраснела и, запинаясь, переспросила:

— Вы обо мне говорите?

— А то о ком же? Ну-ка, гоните линейку обратно.

— К... какую линейку?

— Такую. Приметы я оглашал. А то, знаете, это каждая посетительница будет по линейке воровать — государство не напасется...

— Да как вы смеете?!

— А вот и смею. Небось, каждому лестно: подошел, сунул линейку за пальто — и будьте здоровы...

Другой посетитель — в очках — гневно сказал:

— Какое вы имеете право обижать гражданку? Не брала она вашей линейки.

— Если она не брала, то кто же брал? Может быть, вы? Так признавайтесь.

— Я могу только признать, что вы дурак.

— Это, братец мой, не отговорка. Вы меня считаете дураком, я вас считаю дураком, а линейку положите на стол!

— Не положу.

— Ага! Замахорили, значит, казенную линейку?

— Ничего я не замахорил!

— Постойте, гражданин, куда вы, куда? Раз вы линейку не брали, чего вам убегать, хе-хе-хе?..

— Я и не убегаю. Но вы за это ответите!

— Конечно, отвечу! Если я ни у кого линейку не найду, кто за нее будет платить? Так что вот как хотите, граждане. Вас здесь, посетителей, четыре человека. Вы между собой как-нибудь сговоритесь и линейку будьте любезны мне на стол. Папаша, ты вот тоже около стола терся...

Еще один посетитель — старик с седою бородкой — беспомощно развел руками.

— Ну? — свирепствовал Евстигнеев. — Надумали вы, граждане? Пока еще не поздно: я еще в милицию не звонил.

— А почему вы думаете, что это кто-нибудь из нас взял вашу линейку? Может быть, сотрудник ваш воспользовался ею, чтобы, так сказать, начертить...

— Если мы у вас линейки не найдем, мы и до сотрудников доберемся. У Евстигнеева еще пока ни одна копейка не пропадала. Евстигнеев всегда стоит на страже...

— Товарищ Евстигнеев, — робко сказала сотрудница, которая сидела ближе к его столу, — а что это у вас на полу лежит, у левой ноги?

Евстигнеев нагнулся, всмотрелся и, опуская на пол руку, с наивным удивлением произнес:

— Смотрите, она. Линеечка. Лежит себе, как миленькая.

Гражданин в очках, который был обвинен в краже линейки вторым, произнес возмущенно:

— Вы бы хоть извинились, гражданин!

— Это за что же извиняться? — поднял голову Евстигнеев. — И перед кем?

— Перед нами. За что вы нас обидели?

— Как за что? А за казенную линейку! Это что вам — шутка?

Тут Евстигнеев обернулся в мою сторону и спросил, глядя мне в глаза:

— Вы что — ко мне, гражданин?

— Нет! — ответил я. — Во всяком случае, не к вам.

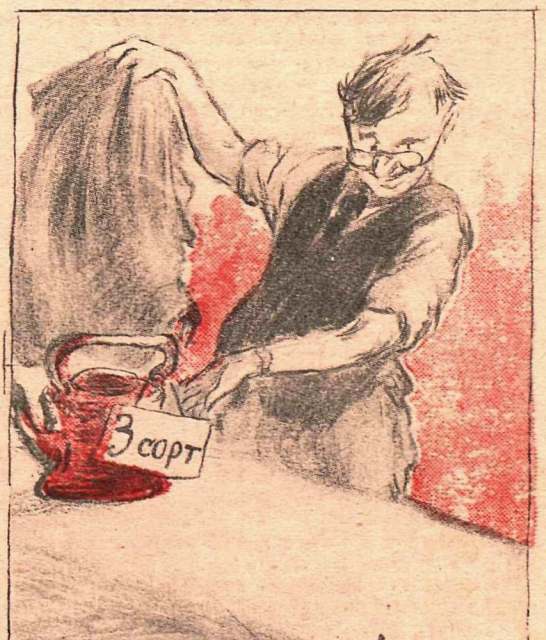
В. АРДОВ

— Имеете самый обыкновенный брак...

— На секунду закрываете его от любопытных взоров...

— Раз, два, три! Имеете товар!

Разные характеры

В магазине «Главмата»

Два телефона-автомата.

Первый из них

с замашками вора.

Сунул монету и жди гудка.

А что касается разговора,—

Не выйдет,

Хоть прыгай до потолка.

Зато у другого

другие замашки.

Как кот журчит, долгами и редкими.

(— Попросите Машеньку...

Это ты, Машка?)

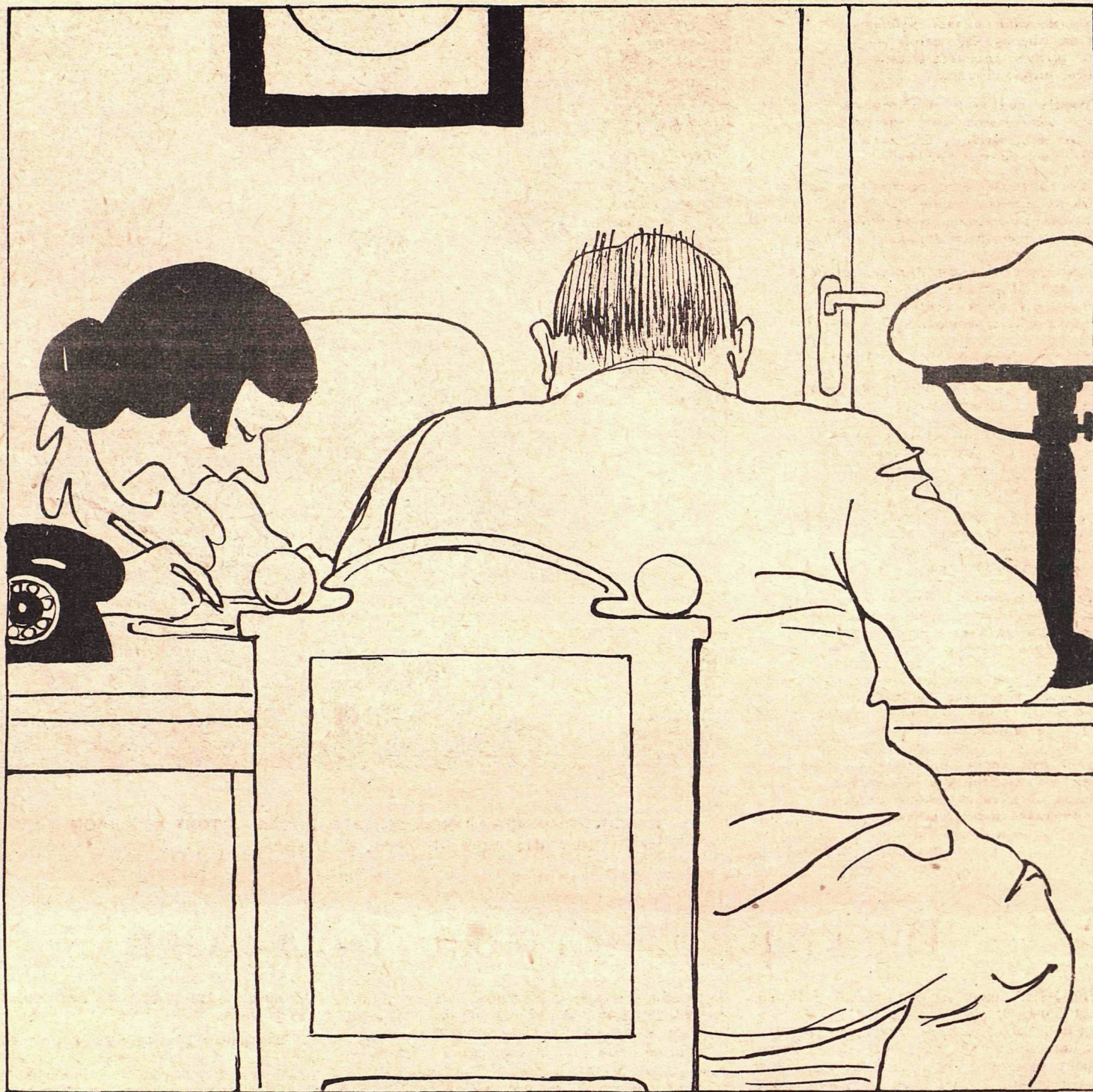
И обратно выкинет две монетки.

Уйдешь изумленный. А впрочем, что ж:

В одном посеешь —

в другом пожнешь.

Д. КАУФМАН

— Посетители жалуются, Иван Семенович, что им долго приходится просиживать в приемной.
— Враки! У нас там и стульев нет.

Экскурсия в музей

Прекрасный музей в городе Слониме! Не так давно мне удалось побывать в этом музее. Я вам все расскажу по порядку. Впрочем, лучше предоставлю слово экскурсоводу.

Слушайте.

— Перед вами, товарищи экскурсанты, фасад особняка, принадлежавшего фабриканту. Восемь светлых просторных комнат. Лучшего помещения для музея в городе не найдешь. В первой комнате вы видите байковую пижаму в синюю полоску и тапочки, отороченные мехом. Эта пижама не принадлежала в древности Каю Юлию Цезарю, и не в ней писал он свои записки о Галльской войне. Эти тапочки не накидывал на босу ногу великий Архимед, выходя из ванны. Тем не менее эти вещи домашнего обихода принадлежат тоже намечательному в своем роде человеку — товарищу Швайнштейну.

Вы спрашиваете: как они здесь очутились? Очень просто: в феврале 1940 года предрика

Швайнштейн без боя захватил особняк, предназначенный для музея, и расположился в нем со своим домашним скарбом... Таким образом, мы начали с осмотра дома, где положено быть музею. Теперь, товарищи, заглянем в дом, где музей, так сказать, существует. По дороге буду отвечать на заданные вопросы.

Как реагировала администрация музея на захват особняка? Директор музея товарищ Новик и сотрудник товарищ Стабровский обратились в облисполком и Наркомпрос БССР. Швайнштейн со своей стороны тоже принял меры: товарищу Новикову он крикнул «Идиот!», а товарищу Стабровскому — «Пошел вон!..»

Ну, вот и пришли. Внимание, товарищи: этот фолиант отнесен к IV веку до нашей эры, а сосуд общеизвестной формы, покоящийся на нем, только что принесен жильцом соседней комнаты. Что сие означает? Сие означает, что откомхоз, занявший помещение музея,

вышвырнул все его экспонаты в проходную комнату жилой квартиры.

Впрочем, нечуждый культуры начальник откомхоза тов. Лапиков предложил музею новое помещение. Добро пожаловать, товарищи экскурсанты! Осторожнее! Полы малость подгнили. Сквозь потолок звезды видны. «Так это же хорошо, — говорит Лапиков, — и музей и планетарий в одном помещении».

Что, товарищи экскурсанты, еще вопросы имеются? Как относится к этому делу начальник сектора культуры СНК БССР тов. Иванов? Очень тепло относится: согревает под сукном ходатайство Наркомпроса о предоставлении музею особняка, захваченного Швайнштейном. Почему Швайнштейн не обращает внимания на телеграмму Наркомпроса? Хватит вопросов, товарищи экскурсанты! Не все же я отвечать должен. Должен же, наконец, и Швайнштейн ответить.

ВИГ.

Баллада об олифе

Рис. Бор. Ефимова

Не ветер осенний качает дубняк,
не дождик рыдает над хатой —
Качаясь, рыдает директор-бедняк
Азовского рыбкомбината.

— Просить подаяния мне тяжело,
подайте мне, снабы, хоть двести кило!
Ой, лихо мне, братцы, ой, лихо!
Олифы мне, братцы, олифы!

Но снабы, как снобы, с презрением глядят
и спорят о титулах чинно.
Вдруг с грохотом грянул громовый раскат,
и вышел волшебный мужчина.

Пронзительным взором беднягу свербя,
сказал он: «Директор, мне жалко тебя!
Валий, подходи без доклада!»
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Директор послушно подходит к нему,
глотает волшебное зелье...
Подхваченный бурей, он мчится во тьму
и видит себя в подземелье.

Скрипя, отодвинулся ржавый засов,
директор спешит на невидимый зов
и замер в предчувствии клада...
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

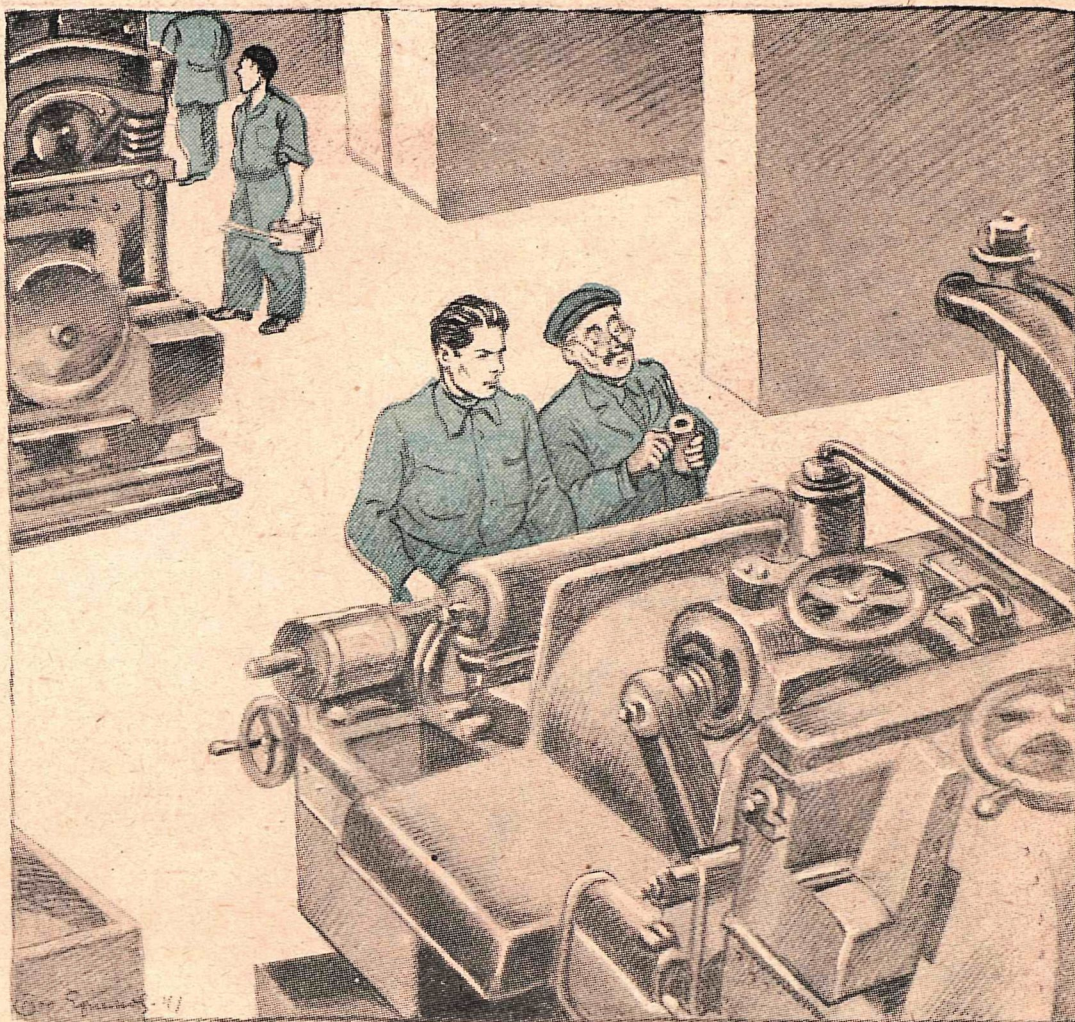
В безмолвном восторге он стал недвижим:
прекрасней, чем древние мифы,
в нетронутой таре стоят перед ним
две тонны желанной олифы.

Глядит с вожделением он на нее,
но молвит волшебник: «Все это — твое!
Тебе — за страданья награда!»
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

— Спасибо, волшебник! Да это же клад!
Но кто здесь живет так богато?
— Ужель не узнал ты? Ведь это же склад
Азовского рыбкомбината!

И вскрикнул директор, стыда не тая:
— Так вот где таилась олифа моя!
В стенах мне подвластного склада!
Так кончилась наша баллада.

С. БОЛОТИН

— А парткому известно, что эта деталь стоит слишком дорого?
— Нет, партком еще не вник в детали.

История одной болезни

МЕДИЦИНА еще не придумала названия этой болезни.

Человек заболевает внезапно, тут же, при исполнении служебных обязанностей. Человек перебирает бумаги и не находит того, что искал. Он резко меняется в лице и вдруг спокойно и методично спрашивает соседа:

— Скажите, пожалуйста, можно ли считать Адама и Еву проверенными товарищами? В их личных делах нет никаких данных о социальном происхождении. А запросить не у кого. Как быть?

Не подходите в эти минуты к больному: он за свои поступки не отвечает! Постарайтесь незаметно для него убрать подальше бумагу, чернила, карандаши и перья. Это непреложное правило первой медицинской помощи в таких случаях. Если же, паче чаяния, эти предметы попадут ему под руку, нет такой силы, которая могла бы заставить его уйти из-за стола: он будет писать, пока не иссякнут чернила, пока не испишется последний миллиметр карандаша.

Длительные клинические исследования пока не позволили установить специфических возбудителей этого странного заболевания, но некоторые его очаги все же удалось открыть.

Один из таких очагов обнаружен близ скромной северокавказской станции Тихорецкой. Вот уже который год над станцией густо витают потревоженные тени предков. Местный, Тихорецкий исполком получил за прошлый год от различных организаций 3217 самых странных и нелепых запросов о социальном прошлом своих работников. В этом

году эпидемия, к сожалению, имеет тенденцию к заметному росту: за первые два месяца уже поступило до 800 запросов.

Общественность Тихорецкого паровозоремонтного завода собирается чествовать старого кадровика по случаю тридцатилетия его работы на предприятии. В это же время сотрудники отдела кадров, охваченные таинственной лихорадкой, срочат в исполком запрос о социальном происхождении юбиляра.

— Помилуйте, — удивляются в исполкоме, — почему так поздно спохватились?

— Ничего подобного, — оправдываются в отделе кадров, — мы не теперь спохватились, мы такие справки наводили еще и в прошлом году и в позапрошлом.

— Но родители юбиляра умерли еще до революции, и своего социального происхождения они не меняли. Зачем же снова запрашиваете?

— Мало ли что могло случиться! — глубококомысленно и убедительно отвечают на заводе.

Кто в Тихорецке не знает Ивана Кузьмича Волкова? Орденосец. Депутат районного совета. Член бюро райкома. Четыре года работал Иван Кузьмич секретарем заводского партбюро. Не успел он перейти на другую работу, как в исполком полетел обстоятельный запрос о его социальном происхождении.

Врачи отмечают, что пораженные загадочной болезнью страдают катастрофической потерей памяти. Больные не узнают своих

близких и родных. Больше того: они не узнают самих себя.

Начальник Тихорецкого вагонного участка Илларион Константинович Кудряшов, подтачиваемый микробами загадочной болезни, сделал в исполком официальный запрос о социальном происхождении своего родного брата Алексея Константиновича Кудряшова. А спустя некоторое время он же, Илларион Константинович Кудряшов, не приходя в сознание, направил в исполком запрос о социальном происхождении своего родного сына Сергея Илларионовича Кудряшова.

В исполкоме недолго ломали голову над тем, что, собственно, ответить на запросы Иллариона Кудряшова. Не утруждая себя просмотром пыльных архивов, в исполкоме быстро заполнили готовые стандартные справки: «В..... исполкоме никаких компрометирующих данных о гр... нет» — и переслали их по назначению.

Но история болезни начальника отдела приема и увольнения Тихорецкого завода Ивана Федоровича Федоренко кроет все известное в этой области. С Федоренко совсем недавно приключился столь сильный припадок, что он, сам того, должно быть, не сознавая, сделал запрос о... самом себе.

На какую справку исполкома рассчитывал Иван Федоренко и что именно могли ему ответить по поводу социального происхождения Ивана Федоренко? Для науки, по крайней мере, это неразрешимая загадка.

Е. ВЕСЕНИН.

— И как это они ухитряются строиться из местного материала?

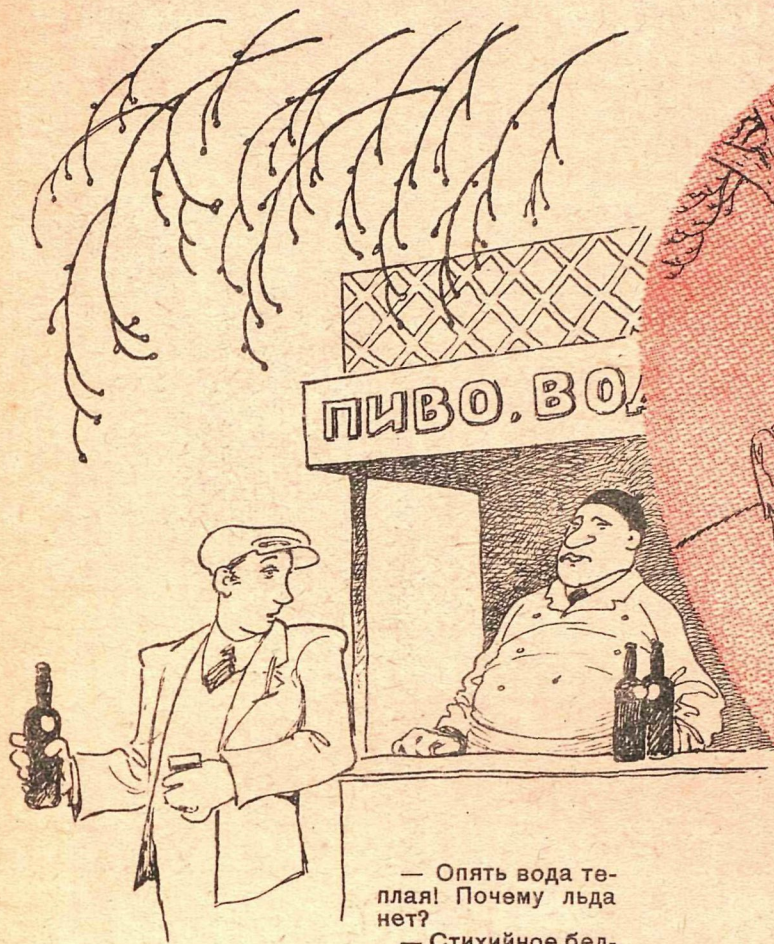
СОЛНЦЕ: — Опять на меня всю работу свалили!

Весна. Выставляется первая рама.

— Папа, почему нашего управдома называют вороной? Ведь ворона каждый год ремонтирует свое гнездо.

— А для чего медсестры — Для нанимателей-с. Н цену услышат, так — в обиде жать.

Восенний потоп

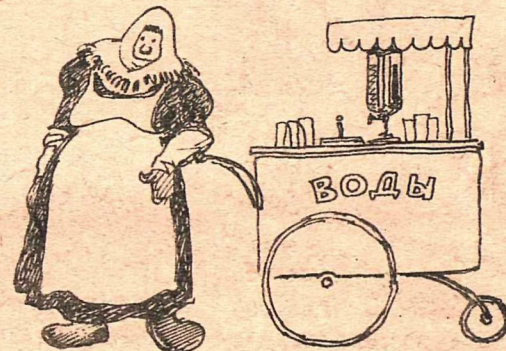
— Опять вода теплая! Почему льда нет?

— Стихийное бедствие-с. Мы его целую реку наготовили, так, представьте, весь унесло.

— Зачем хорошее дерево спиливают?

— Затребовали в суд, как вещественное доказательство.

Вешние воды.
(С сиропом и без).

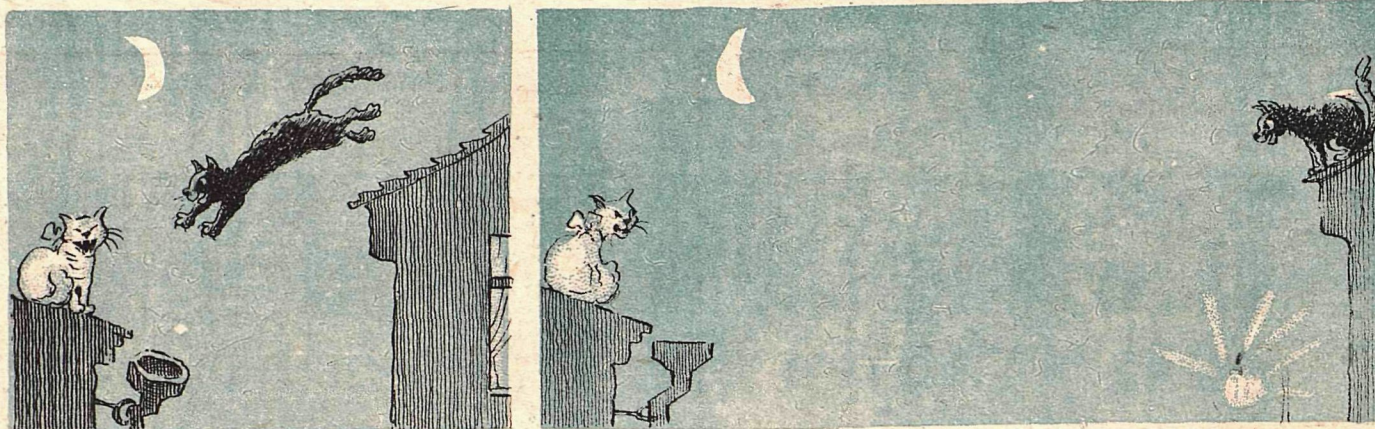
— Говорят, вскрытие показало много застарелых болезней.

— Чье вскрытие?
— Нашей реки.

Капитальный ремонт.

а дежурит?
арод, сами знаете, нервный. Как морок. А за водой полкилометра

Ужасы передвижки.

Гипнотизер

В ПРИЕМНОЙ сценарного отдела киностудии о нем говорили шепотом.

— Лично я его не видела,— сказала Вера Петровна,— но те, кто видел, говорят, что это потрясающе. Вы представьте себе: выходит на эстраду молодой человек, лет тридцати, с большими черными глазами. Он останавливается у рампы и смотрит в зал. И тот, на кого он обращает свой взгляд, тут же засыпает.

— Ну, усыпление — это штука примитивная,— сказал сценарист Бусаев.— Это еще до революции делали.

— Да? А передачу мысли тоже до революции делали?

— Как передачу мысли?

— А так, очень просто. Он в клубе писателей посмотрел на драматурга Грачихина. Грачихин вдруг встал, спустился в гардероб, оделся, приехал домой, сжег два акта своей новой пьесы...

В этот момент в приемной появился Семен Петрович, начальник отдела. Никто не заметил его прихода.

— Вы знаете, что он недавно сделал? — продолжала Вера Петровна.— Он пришел в Художественный театр, посмотрел на администратора, и, можете себе представить, тот немедленно дал ему четыре места на «Три сестры»!

— Ну, это уж вы хватили, Вера Петровна!

— Факт! Мне рассказывали, что он недавно сошел на ходу с трамвая, к нему подошел контролер, но он так посмотрел ему в глаза, что контролер заплатил ему штраф...

— О чем это вы тут рассказываете? — спросил Семен Петрович.

Все обернулись.

— О силе внушения, Семен Петрович,— сказала Вера Петровна.— Говорят, по городу гипнотизер ходит, молодой такой, с черными глазами, внушает мысли.

— Ерунда какая! — улыбнулся Семен Петрович и, скептически пожав плечами, вошел в кабинет.

Усевшись за стол, Семен Петрович углубился в работу.

Вдруг Семен Петрович услышал, как открылась дверь кабинета. Он поднял голову, и то, что он увидел, заставило его слегка побледнеть.

В кабинет вошел незнакомый человек, лет тридцати, с большими черными глазами. Незнакомец подошел к столу Семена Петровича и тихо спросил:

— Разрешите сесть?

— Садитесь,— сказал Семен Петрович и, встретив спокойный взгляд незнакомца, добавил: — Садитесь, пожалуйста...

Незнакомец сел и, не сводя с Семена Петровича внимательного взгляда, открыл свой портфель и вынул оттуда папку.

— Вот...— сказал незнакомец.— Это сценарий. Прочтите...

— Хорошо, прочту,— тихо сказал Семен Петрович, с ужасом убеждаясь в том, что не может оторвать взгляда от черных глаз незнакомца.

— Нет... Вы, пожалуйста, сейчас его прочтите,— ласково сказал незнакомец.

— Хорошо, я его сейчас прочту.

Семен Петрович начал читать. Незнакомец вынул папиросы:

— Вы курите?

Семен Петрович нервным движением взял папиросу и закурил. Это было тем более удивительно, что Семен Петрович бросил курить еще в шестом классе гимназии.

Семен Петрович прочел сценарий и поднял глаза. Сценарий был очень интересный.

— Вам нравится? — тихо спросил незнакомец.

«Ничего. Зайдите через пару недель»,— хотел сказать Семен Петрович, но громко, даже несколько торжественно произнес:

— Сценарий мне очень нравится.

— Значит, вы его утверждаете? — робко спросил молодой человек.

Семен Петрович почувствовал, что волосы его шевелятся и последние признаки воли неумолимо оставляют его.

«Ишь ты, какой -быстрый — утвердить... Я еще с консультантами проверну»,— хотел сказать Семен Петрович, но не смог.

— Конечно, его можно утвердить,— сказал Семен Петрович и тут же размашисто написал на первой странице рукописи: «Утверждаю».

— Спасибо,— сказал незнакомец.— До свиданья.

Незнакомец вышел.

Семен Петрович опустил в кресло и закрыл глаза. Очнувшись через минуту, он встал и осторожно приоткрыл дверь в приемную. Там сидела одна Вера Петровна.

— Что же это такое? — прошептал Семен Петрович.— Вы видели его, Вера Петровна? Здесь был этот...

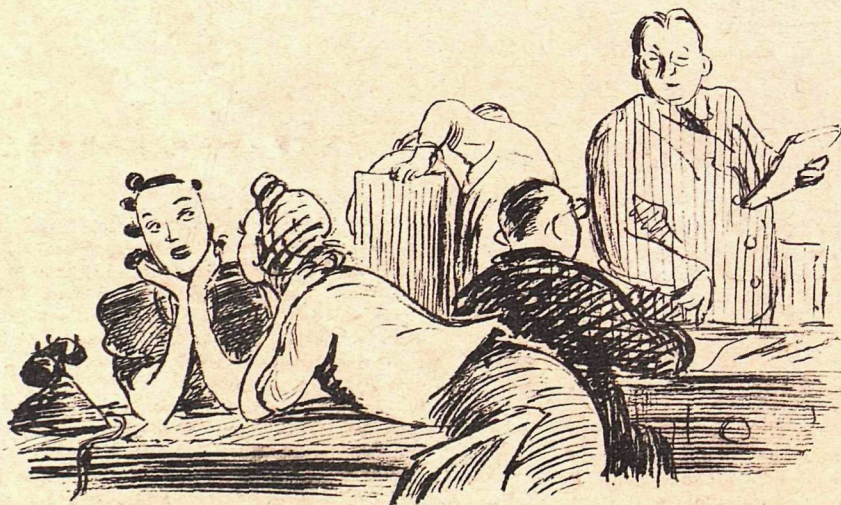
— Семен Петрович,— сказала Вера Петровна,— вы меня извините, я на секунду вышла, а он к вам прорвался...

— Да... Но вы его видели? — леденя от страха, спросил Семен Петрович и выбежал в коридор.

Вера Петровна пожала плечами и сняла трубку внутреннего телефона:

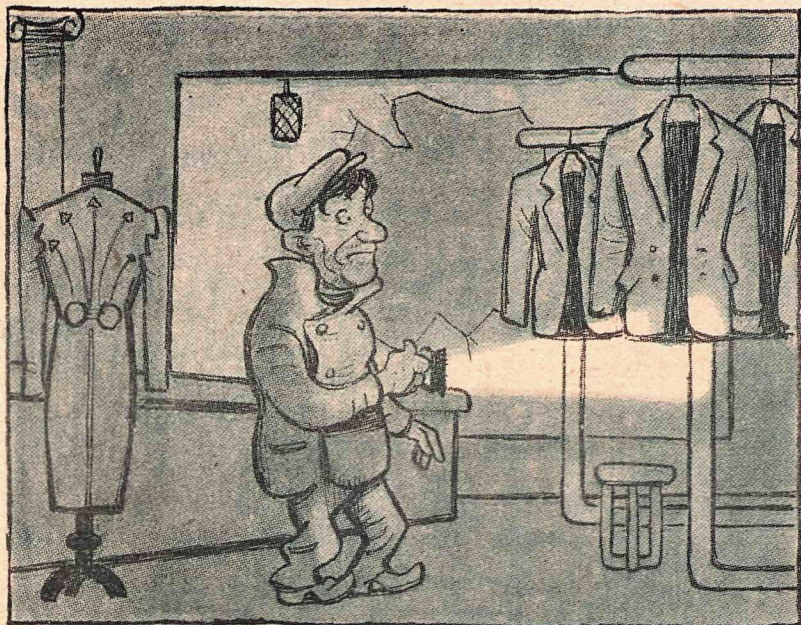
— Зина!.. Ты слышишь?.. К Семену Петровичу прорвался Шапиро... Ты знаешь, молодой автор, который к нам уже месяц ходит... Не знаю, о чем они говорили, но Семен Петрович выскочил не в себе...

Борис ЛАСКИН

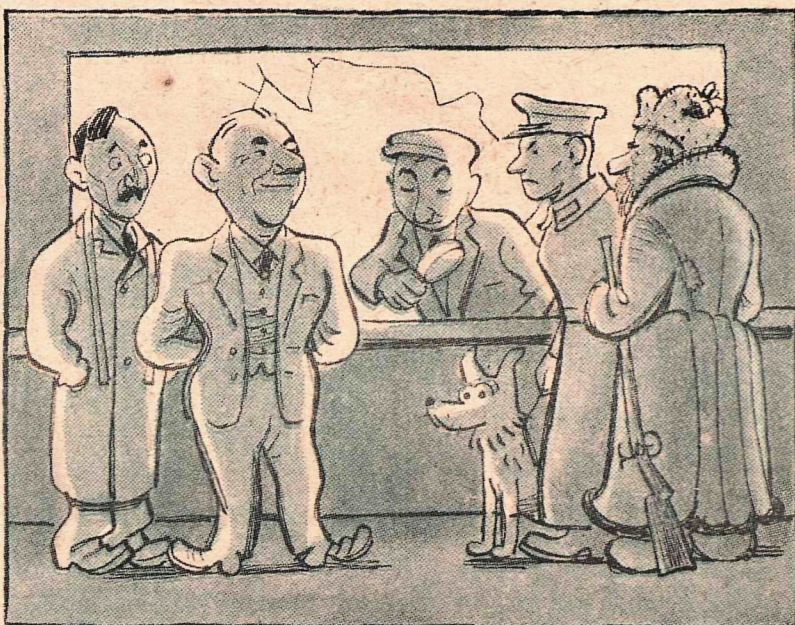

— Кто этот новый товарищ?

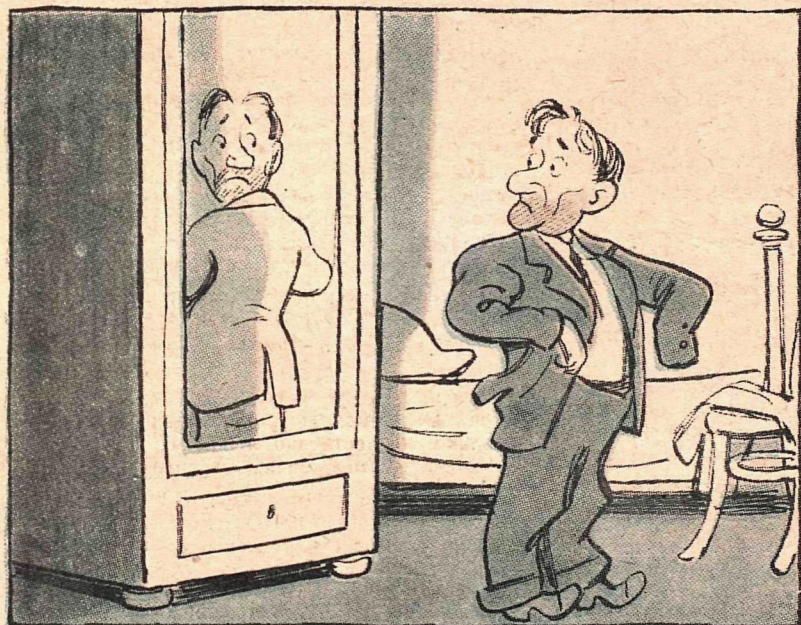
— Крупный специалист по аппаратам: сначала он был в аппарате наркомата, потом главка, а теперь в аппарате у нас.

Он пробрался в ателье темной ночью и украл лучший костюм.

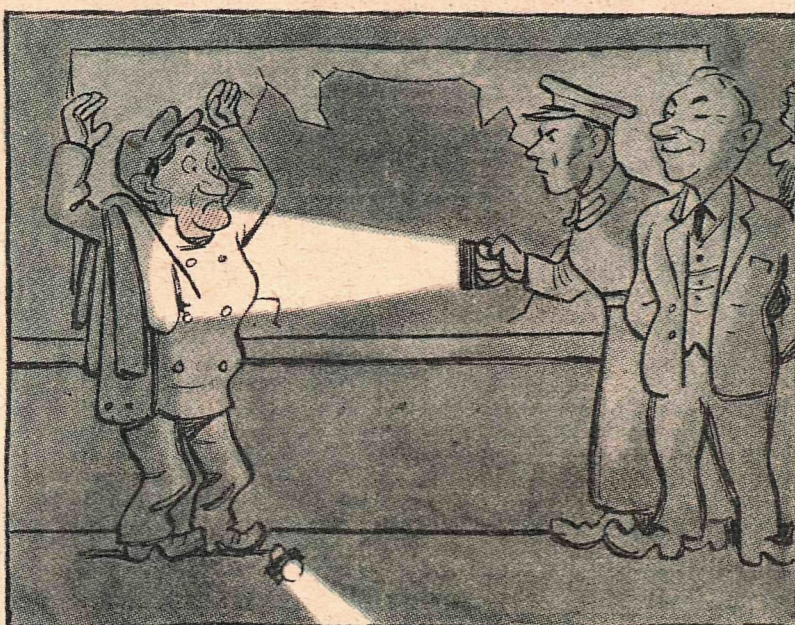

Утром директор спокойно говорил агенту угрозыска: — Зря собачку побеспокоили. Продежурьте просто этой ночью в магазине — и, ручаюсь, все будет в порядке.

А между тем наглый вор, придя домой, с ужасом обнаружил, что костюмчик тово: брюки — гармоникой, один рукав короче другого, а лацнаны разных фасонов.

Он решил воспользоваться установленным для всех потребителей правом на обмен, но по привычке осуществил это право...

...опять-таки ночью.
— Ну вот, видите, — сказал директор, — у нас еще случая не было, чтобы кто-нибудь не приносил костюма обратно.

О великий русский язык!

Как-то, сидя в кабинете,
Наслаждаясь перед сном,
Я читал, а рядом дети
Разговор вели вдвоем.
Свет настольной лампы падал
На страницы Мериме.
Сыну Диме дочка Ада
Говорила в полутьме:
— Ну и шухер, Димка, в классе
Был у нас вчера опять.
На халтурку вышел Вася
По-немецки отвечать.
Но зато Петрова Алла
Отвечала мирово,
Ни фига не подкачала,
На большой словчила — во!
Я вскочил, смахнув, не глядя,
Мериме под стол, в тоске,
И метнулся барсом к Аде:
— На каком ты языке
Говоришь?!

И глядя прямо,
Отвечала дочь: — У нас
Говорит на этом самом
Языке весь пятый класс!

* * *

В школе тверды были нравы.
Мне директор так сказал:
— Нет, товарищ, вы неправы,
Поднимая здесь скандал.
Я ловить любое слово
В коридоре не привык.
Мы проходим здесь Толстого
И Тургенева язык,
А язык ребят в программы
Наркомпроса не включен,
Так что лишни ваши драмы!..
Я вздохнул и вышел вон.

Юрий ФИДЛЕР
Баку.

КАРАВАЙ, КАРАВАЙ...

Ученики 1-го класса «Д» 603-й школы Октябрьского района города Москвы обмакнули перья в чернильницы и написали в своих тетрадках слово «каравай». Событие само по себе довольно незначительное, и, возможно, оно бы не вышло за пределы класса, если бы в дело не вмешалась классная учительница Эмма Соломоновна Демина.

Она вытащила красный карандаш и аккуратно переправила в тетрадках своих учеников две буквы «а» на две буквы «о». Вышло «коровай». Возможно, что ей так показалось благозвучней, а возможно, что на нее «затмение нашло», как остроумно заметил по этому поводу директор школы. А детки, в результате получившие посредственные отметки, естественно, огорчаются:

— Сама правильно не пишет и другим не дает.

Эмма Соломоновна! Убедительно вас просим, не обижайте детей. Они же еще маленькие.

Рис. Л. Сойфертиса

— Опять в этом году не хватает кирпича. Почему?
 — Местность у нас больно глинистая. Весной так размывает дорогу, что возам с кирпичом никак с вокзала не добраться.

КНИГОЛЮБЫ

В знаменательный день, когда тов. Цукров, директор Московского торфяного института, получил новое назначение, за ним числились 34 книги, взятые в институтской библиотеке. Некоторые из них лежали у просвещенного директора по 5 лет, и немудрено, что он к ним привык, как к своему собственному имуществу. Вот почему, когда обеспокоенная библиотекарша В. Козелко явилась к нему на квартиру за книгами, оскорбленный абонент попросту выгнал ее вон.

Но товарищ Козелко, насколько нам известно, человек настойчивый. К тому же, работая в библиотеке много лет, она привыкла думать, что книги, принадлежащие институту, представляют социалистическую собственность и присвоение их читателем равносильно краже. Не исключено, что она опять посетит Цукрова, а он, Цукров, как личность в высшей степени культурная, может применить и рукоприкладство.

Посему мы рекомендуем старой библиотекарше: не беспокойте Цукрова надому. Перенесите спор в камеру народного судьи. Это будет лучше и для дела и для вашей собственной безопасности.

НОВЫЙ СЮЖЕТ

Драматургам, желающим написать пьесу, предлагаем такой сюжет.

Две работницы московского завода «Мостерразит» гг. Новгородова и Торшина за прекрасные производственные показатели были премированы в 1938 г. комнатой с обстановкой. Поселились они в этой комнате, стали работать еще лучше, получают премии.

Все шло отлично. Как вдруг директору завода Полушкину пришла в голову потрясающая мысль:

«А не пора ли обеих работниц выселить и передать их комнату начальнику пожарной охраны Лопзину?»

Подумал и решил: «Пора».

Работницы, конечно, не захотели отказаться от полученного в свое время подарка, вмешался комендант и... Лопзинин получил возможность отпраздновать новоселье.

Но тут Полушкина осенила другая, еще более гениальная мысль:

«А ведь получается неловко. Комнаты я работниц лишил, надо их хоть чем-нибудь компенсировать. Объявлю-ка я им выговор за невыполнение распоряжения коменданта».

И объявил.

...Вот и весь сюжет. Полагаем, что за него ухватятся не только драматурги...

За ваше здоровье!..

— Товарищи! — сказал председатель дорпрофсожа Куницын. — Пензенская дорога работает плохо. И вот мы решили провести во всех депо и на всех станциях производственно-технические конференции. Какие будут на этот счет соображения у членов президиума?

— Я против, — сказал председатель культкомиссии Маркин. — Опять пойдут в ход бутерброды с колбасой, опять ситро.

— Маркин прав, — сочувственно заметил секретарь дорпрофсожа Чеканов. — Бутерброды — пройденный этап. Я со своей стороны предлагаю такой распорядок наших конференций: первым вопросом — борщ со сметаной, на второе — рагу из барашка.

— Товарищи! Ну какое отношение имеет борщ к производственно-техническим конференциям? — заметил председатель Куницын.

— Правильно, — поддержал председатели главный бухгалтер товарищ Беспомощный. — По-моему, было бы целесообразнее вместо борща пропустить первым блюдом хороший рассольник. Рагу мы можем оставить при условии, ежели подлива к нему будет на курином бульоне с жирком.

— И не забыть водки, — добавил председатель комиссии соцстраха Волков.

— Нет, нет, — заявил Маркин, — я против водки. Дорпрофсоюз не имеет права опознать идею технических конференций.

— А что ежели на местах будет проявлена самостоятельность и на столах несмотря ни на что появится водка? — спросил Чеканов.

Маркин неопределенно пожал плечами и посмотрел на Куницына. Председатель дорпрофсожа кашлянул, подумал и к всеобщему удивлению ответил так:

— Против самостоятельности мы, конечно, возражать не будем. Однако в принципе мы все же обязаны ориентировать членов союза не на водку, а на пиво.

Так, в шоте лица и горячих дебатах члены президиума разрабатывали подробную схему производственно-технических конференций. А вскоре закипела соответствующая подготовка на местах, и в дорпрофсоюз стали поступать первые сводки и запросы.

Из Поворина телеграфировали: «Конференция под угрозой срыва. Станционный буфет не может обеспечить 500 литров пива».

В Ртищеве решили проявить самостоятельность и просили у дорпрофсожа содействия в приобретении 40 бутылок водки, 200 бутылок красного вина и 800 литров пива.

На станции Пенза работники месткома спорили о том, удобно или нет подавать на стол черный кофе после рубленой селедки.

В Борисоглебске за отсутствием селедок подготовка к конференции прошла без споров, и члены месткома решили подавать черный кофе вместе со штучными яйцами и сигарами.

Скажем прямо: в проведении производственно-технических конференций было проявлено много гастрономического вкуса.

А в общем на 30 конференций было затрачено свыше 100 тысяч рублей.

Какие доклады делались на этих конференциях, сказать нам трудно. Этого не помнят даже сами организаторы. Да и как упомянуть, ежели внимание твое всецело поглощено рагу, а уши наполнены звоном бокалов. В общем:

— За ваше здоровье, граждане! — говорит докладчик, слякся попасть вилкой в тарелку с виноградетом.

Поднимать застольные здравицы, конечно, никому не возбраняется, но зачем делать это за счет профсоюза и государства и называть выпивку производственно-технической конференцией?!

Что касается производства, то как раз ему больше всего и не поздоровилось от этих самых застольных тостов. Именно в дни конференции на Пензенской дороге увеличилось количество аварий и прогулов.

Вот тебе и за ваше здоровье!

СЕМ. НАРИНЬЯНИ

Таланты и поклонники

Иллюстрации Бор. Ефимова

Весна

ИТАК, наконец, апрель! Дни стали длиннее, ночи короче. В театрах начался весенний паводок. На «Машеньке» слезы текут ручьями и без высоких бот нельзя ходить по партеру. Театр Революции распустил нюни по поводу такого горестного события, как казнь Марии Стюарт. А у вахтанговцев все растаяло «Перед заходом солнца».

По талым тропинкам бродят влюбленные парочки. Перед Большим театром стоит Татьяна Ларина и ждет Норцова, так как ей надоело, что Евгения Онегина все время поют вторые исполнители. На мокрой скамейке у памятника Пушкину сидят Юдифь и Уриэль Акоста.

— Какая ночь, Уриэль!.. Какая луна!.. Чу... Музыка... Что за погребальные мотивы?.. Вероятно, кого-нибудь хоронят, Уриэль?!

— Нет, милая... Это в театре оперетты возобновили «Двенадцатую ночь» композитора Шеншина...

— А-а-а... Какая тоска!

Некоторое время оба молчали. Потом Уриэль спросил:

— А ты не боишься, что нас увидят, Юдифь?

— Кто?

— Хотя бы Сантос...

Юдифь засмеялась:

— Межинский?.. Что ты!.. Он, наверно, снимается в Ленфильме...

— А-а...

И снова тишина. Только высоко в небе курлычат журавли, летящие с юга, и гогочут эстрадные гуси, тянущиеся на юг.

— О, Юдифь, скажи, ты меня очень любишь?! Скажи прямо — очень?!

— Смотря в чем исполнении, Уриэль. В исполнении Остужева — очень, в исполнении Царева — не очень, в исполнении Судакова — тоже не очень...

Итак, наконец, апрель! Наконец, весна!

У артистического под'езда Малого театра лежит какой-то мужчина, уткнувшись лицом в третью ступеньку.

— Товарищи, уберите пьяного!

— Это не пьяный. Это критик «Советского искусства» И. Шнейдерман.

— А почему он упал?

— Не мог устоять. Здесь проходила Зеркалова, а он еще 23 марта в «Советском искусстве» писал:

«Глафиру играет Д. Зеркалова. Да, против такой Глафиры устоять невозможно, и задолго до того, как она окончательно влюбляет в себя Лыньева, весь зрительный зал уже у ее ног...»

Д. В. Зеркалова — прекрасная артистка. И она вполне заслужила, чтоб о ней писали лучше и внятнее.

А ведь все весна!..

По бульварам резво бегут довольные школьники, размахивая портфеликами. У них много приятных новостей: тепло, шубы сброшены, скоро каникулы, Мосэстрада прекратила, наконец, свои кошмарные детские утренники в помещении Театра миниатюр...

Литературоведы утверждают, что покойный поэт Надсон написал свои знаменитые грустные строки «Тяжелое детство мне пало на долю...» тотчас после того, как побывал на одном из этих детских утренников, посмотрел грязные рогожи, посконные рубахи и пеньковые парики «Театра сказок», послушал пение Казимира Малахова и дошкольное остроумие конференсье Астрова.

Детей принято кормить более тонкой и нежной пищей, чем взрослых. Вероятно, директор Горьковского театра драмы не дает своему ребенку на завтрак стопку водки и соленый огурец...

Почему же в театре он пичкает чужих детей совсем не подходящей им духовной пищей?

На детских утренниках в Горьком ставят «Зимнюю сказку» Шекспира.

Как известно, не всякая «сказка» рассчитана на малышей. Сказка, в которой речь идет о короле, затеявшем судебный процесс против своей супруги по обвинению ее в прелюбодеянии, — это не Андерсен, не братья Гримм, не Перро, не Агния Барто...

В шестом ряду, в котором сидел я, больше взрослых не было. А со сцены неслись такие слова:

— Ты лживая прелюбодейка!

— О, нет, мой король! Я не прелюбодейка!

— Лжешь, прелюбодейка!

Абсолютно для детей младшего и среднего возраста!

Итак, наконец, апрель.

Снег уже сходит, но в садах и парках все еще пусто, не слышно гомона птиц и администраторов. Только на «эстрадных понедельниках» той же Мосэстрады по-прежнему прещат жанровые певички, монотонно долбят сухую кору дятлы-конференсье, раздастся отчаянный «художественный свист» и не менее отчаянное «художественное чтение»...

Для того чтобы петь, нужно иметь хоть подобие голоса. Для того чтобы играть на рояле, необходимо грубо ориентировочно знать ноты. Для того чтобы стать «чтецом», достаточно иметь лакированные туфли.

Одного такого чтеца я недавно слышал на «эстрадном понедельнике». На авансцену вышел человек средних лет с непокорной прядью волос и сорок минут бубнил отрывок о бетономешалках и кубометрах. В зале медленно накатывала злота...

После этого выступления даже самые несусеверные люди должны были признать, что понедельник — «тяжелый день».

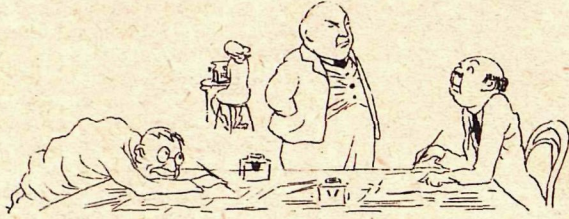
Во всяком случае, эстрадный понедельник.

Евг. БЕРМОНТ

С Т О Л Н А Х О Д О К

Рис. Б. Пророкова

— Опять анекдоты в рабочее время!
— Да я только один, новенький рассказал.
— Новенький? Что вы говорите? Ну-ка расскажите.

ТОЧНЫЕ РИФМЫ
Трое суток заседали,
Стог вопросов ПЕРЕРЫВ,
Разошлись? Не угадали:
Объявили...

В брак не выбросил детали
Он ни сложной, ни ПРО-
СТОЙ.
Стал хорош? Не угадали:
У него весь день...

Врал он час и врал бы
дале
Про горелки И СТЕКЛО.
Стал правдив? Не угадали:
Просто, время...

Перья бегать перестали,
Он друзей уж не ЧЕРНИЛ:
Честным стал? Не угадали:
Вышел весь запас...

ЧАСЫ С ГАРАНТИЕЙ
Для того чтобы ваши
часы шли, вам приходится
много бегать из одной
часовой мастерской в дру-
гую: то пружинка не в по-
рядке, то волосок, то кам-
ныш...
Мы предлагаем усовер-
шенствованнейшие часы:
никаких камней — один пес-
сок!

Пользоваться этими ча-
сами нужно так: сперва
держать левую руку в по-
ложении, указанном на ри-
сунке № 1, а ровно через
пять минут, когда весь пес-
сок пересыплется, повер-
нуть руку так, как обозна-
чено на рисунке № 2.
И так далее!..

В ДОМОУПРАВЛЕНИИ
— Ваше имя, гражданка?
— Муся...
— Год рождения?
— 1923.
— День рождения?
— 10 апреля... заходите,
пожалуйста... Будет пате-
фон!.. Можете сейчас внести
семь рублей... Мы вклад-
чим...

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ
«ВЕЧЕР СМЕХА, ВЕСЕЛЬЯ
И ЮМОРА»

Зал в тягучей скуке тонет...
Смехачи старые жуют...
«Сколько их! Куда их го-
нят?»
Что так жалобно поют?..»

ВОСПОМИНАНИЯ
В буфете, на тарелке лежа,
Со мной котлета речь веда:
«Опегин, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была...»

ПАССАЖИР
(о шофере такси)
Чтоб спеться с этим чело-
веком,
Я сунул двадцать пять
рублей...
«К чему бесплодно спорить
с веком?»
Обычай — деспот меж лю-
дей...»

ОБ ОДНОМ ПОЭТЕ
Способность тайную имея
В пяти изданиях проско-
чить,
«Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отли-
чить».

ОБ ОДНОМ ДРАМАТУРГЕ
Творив отлично, благородно,
В драматургии был он спец,
Давал две пьесы ежегодно
И исписался наконец...

РЫЦАРЬ НА ЧАС
К остановке подошел пе-
реполненный автобус. Кон-
дуктор не открывал дверей.
Из очереди, как это
водится, раздались возму-
щенные голоса:
— Безобразие! Ждешь по
часу, а вы не пускаете!..
Когда будет этому конец!..
За чем только смотрят!..
Но тут в защиту кондук-
тора выступил гражданин,
находящийся в автобусе:
— Граждане! Зачем на-
прасно кричать на кондук-
тора! Он тоже человек! Вот
выйдет народ, он вас и
внушит. Пожалеть надо
кондуктора: вас много, а
он один.

Увлеченный собственным
красноречием, защитник не
заметил, что автобус тро-
нулся, и он, защитник, про-
ехал нужную остановку.
— Безобразие! Остановите
машину! — закричал он не-
истово. — Кондуктор, вы не
знаете своих обязанностей!
Когда будет конец этому
хамству!..

ПЛОДЫ РАЗМЫШЛЕНИЯ ИГНАТА КИСЕЛЯ

Выходя из себя, не вы-
ходи из рамок приличия.

Чаще всего автобусный
кондуктор взаимно вежлив
с самим собой.

Не каждый, вечным пе-
ром пишущий, войдет в
века.

Переходя улицу, старай-
ся не выходить из бюд-
жета.

Петуха, пушеного пер-
цом, не зажарить.

Не будь ветра в природе,
подхалим не знал бы, что
ему делать с носом.

Плечи даны для того,
чтобы их возглавляла го-
лова.

Пуганный аментиник кук-
лы боится.

Бифштеке в ресторане
близок, да не укусишь.

Споздать никогда не
поздно.

СРЕДНИЙ ОБЕД

Борщ оказался совершен-
но пресным.

— Не обращай внима-
ния! — сказал хозяин го-
сто. — Незначительное от-
ступление от рецептуры...
При этом учти, что стои-
мость щепотки соли по от-
ношению к общим затра-
там на тарелку борща со-
ставляет всего 0,03 про-
цента.

Котлет не несли минут
двадцать.

— Пустьяки! — утешал хо-
зяин. — Остаю пока по
части ритмичной смены
блю.

Наконец, принесли котле-
ты, но без гарнира. Жареная
картонка и огурец
появились уже после ко-
мюта.

— Некомплектная подача.
Только и всего! — проком-
ментировал хозяин.

Он был директором заво-
да и привык к средним
показателям.

В ТЕАТРЕ

— Эта актриса, которая
играет главную роль, — же-
на художественного руко-
водителя?

— Нет. У нас художе-
ственный руководитель —
женщина.

ХОРОШЕЕ ВРЕМЯ

— Сколько времени идет
твоя новая пьеса?

— Весьма недолго. В 8.30
она началась, а уже в
10 часов провалилась.

СКАЗАНО—СДЕЛАНО

Докладчику арикнули с
места:

— Расскажите и об ошиб-
ках.

Докладчик, не растеряв-
шись, ответил:

— Сейчас и на этом оста-
новлюсь.

И действительно: расска-
зав об успехах, он остано-
вился.

Рис. Е. Ведерникова

— А сколько лет вашим детям?
— Не знаю. Я осуществляю общее руководство и не
обязан вдаваться в детали.

ДОПЛАТНОЕ

Не наклеив на конверт марку, он в постскрип-
туме написал:

«Марку тщательно приклеил, но, знаете, клей те-
перь такого качества, что не ручаюсь, что марка
отвалится по дороге, и потому в случае чего не бра-
ните за доплатное».

ТОНКАЯ ПОЛИТИКА

— Ты Ивана Петровича
знаешь?

— Того, что с палкой хо-
дит? Старика?

— Да, да.

— Это у которого на носу
бородавка?

— Вот, вот! Которого на
прошлой неделе под суд
отдали. Ты его знаешь?

— Нет, что-то не помню.

— Да он в пальто с ба-
рашковым воротником хо-
дит.

— Такого не знаю.

— Как же не знаешь?

А он про тебя частенько
говорил. Я его вчера встре-
тил. Идет веселый, Оправ-
дали, говорит.

— Вспоминаю. Это мой
родной дядя. Очень хоро-
ший старик!

У ВИТРИНЫ БУЛОЧНОЙ

— Вот видите! Хлеб риж-
ский, сдоба венская, булки
французские. А все это,
заметьте, продается в Мо-
скве. А я единственный
раз вагон саратовской
глины привез в Пензу и,
представьте, высмеяли в
газете.

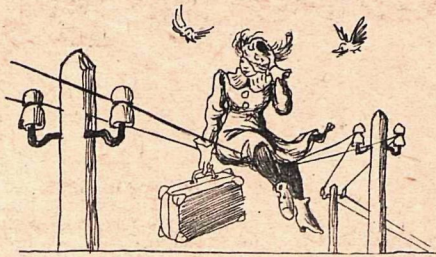
Рис. А. Васина

— Вы какую книгу хотите?
— Всю ту божью с крапинками. Она как раз в тон
костюму.

П О Ч Т О В О Е О т д е л е н и е К р о к о д и л а

1

Телеграмма из Москвы в Воронеж:

«Телеграфируйте согласие работу качестве секретаря стенографистки тире машинистки оклад 350 комната городе либо вне будет оплачена трестом вычетом коммунальной ставки подъемные КЗОРУ тчк Адрес Москва Ленинградское шоссе 11 трест Стройлеспром управляющий Шушко».

«Отчего ж не поехать», — подумала Тамара Георгиевна Цикулина, — ежели тов. Шушко — такой галантный начальник, что ему в Москве секретарей не хватает.

Телеграмма из Воронежа в Москву:

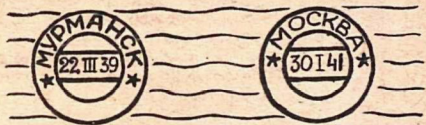
«Принять работу согласна телеграфируйте когда выехать».

И Тамара Георгиевна с чемоданами, подушками, сумочкой и подъемными помчалась по проводам из Воронежа в Москву.

Как поется в песенке:

«Загудели, заиграли
Провода,
Мы такого не видали
Никогда».

2

— Вам деталь для машины «Ш-1»? Нету! — заявил в январе 1941 года Карабилов, начальник сектора снабжения Центрального управления распространения печати Наркомсвязи СССР.

— Какую деталь? — изумились в мурманском отделении. — Мы ничего не заказывали!

— Как не заказывали? А чья это заявка — № 24?

Карабилов прав: заявка действительно была сделана. Но когда? В 1939 году! В марте! 22 числа!

Эту деталь Карабилов не заметил. А еще в Наркомате связи работает!

А наше маленькое почтовое отделение Крокодила эту деталь сразу обнаружило!

3

НАРОДНЫЙ СВЯЗИ		КОМИССАРИАТ СССР	
— го ч. м	5	АДРЕС	
от			
Принял			
ИЗ 178 ОДЕССЫ 6/17 28 1500			
ВСТРЕЧАЛИ БЛАГОПОЛУЧНО			
БОРИС			

Такую телеграмму гражданина Цехановская получила из Одессы 8 августа 1939 года.

Не прошло и восемнадцати месяцев, как эту же телеграмму гражданина Цехановская получила еще раз.

Случилось это 28 января 1941 года.

Почтовое отделение Крокодила отправляет в адрес одесского телеграфа следующую депешу:

Бориса действительно все благополучно тчк беспокоимся тире благополучием одесского телеграфа

4

— Куда адресовать жалобу на то, что в районах Свердловской области нельзя достать горелок для керосиновых ламп?

Такой запрос поступил в почтовое отделение Крокодила.

Охотно даем справку: адресовать жалобу и справедливые требования потребителей следует в Свердловский облисполком.

Кстати напомним, что постановление правительства о развитии местной промышленности адресовано, в частности, и Свердловскому облисполкому. А в этом постановлении адреса указаны точно!

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Недавно суражская бумажная фабрика «Пролетарий» получила из Москвы от Главбумснаба извещение о том, что для нужд фабрики выделено горючее в количестве 150 килограммов бензина. Это вызвало радостное оживление среди работников фабрики. Но, вчитавшись хорошенько в бумажку, они помрачнели. В конце извещения было черным по белому написано: «За получением бензина просим срочно выслать автомашину с железной тарой». Тут надо заметить, что город Сураж находится на расстоянии 700 километ-

ров от Москвы и на путешествие (туда и обратно) потребовалось бы 240 килограммов бензина.

Это значит: давай меняться — ты мне дай рубль, а я тебе двугривенный.

ФИЛИМОНЕНКО,
секретарь партбюро фабрики «Пролетарий»
СОЛОМОНОВ,
предфабкома фабрики «Пролетарий»
Сураж.

Дорогой Крокодил!

Пусть жилищный отдел Московско-Донбасской железной дороги не

беспокоится. С непоколебимой уверенностью я публично заверяю его, что наша 2-я жилищно-ремонтная контора (станции Кашира) план по прибылям на январь—февраль выполнит. Даже перевыполнит. Тому гарантия — мудрое руководство жилищного отдела. Упомянутый отдел прислал нашей конторе следующее письмо за подписью заместителя начальника жилищного отдела Сороковых и главного бухгалтера Немчинова:

«Вам установлен план на январь—февраль прибылей: 1) от договорных работ рублей — 1; 2) от подсобных предприятий рублей — 2. Итого: рублей — 3.

Как видишь, дорогой Крокодил, я не хвастаю. Нам так же ничего не стоит перевыполнить план, как и жилищному отделу его устанавливать.

Л. СИЛКОВА,

старший бухгалтер 2-й жилищно-ремонтной конторы.

ст. Кашира.

Дорогой Крокодил!

Наконец, широкая общественность получила возможность ознакомиться с научными работами Центрального научно-исследовательского института автомобильного транспорта.

Институт разослал учреждениям список своих работ и рекомендовал использовать их в автомобильном хозяйстве. В числе этих работ: «Похоронный автомобиль на базе обтекаемого автобуса» и «Опытное шасси для передвижной уборной».

Нет слов, обе эти работы представляют большой научный и практический интерес для соответствующих организаций.

Но что делать Наркомату пищевой промышленности, куда эти работы тоже попали, с «похоронным автомобилем на базе обтекаемого автобуса», до сих пор ума не приложим.

Н. АНТИПОВ

Москва.

Дорогой Крокодил!

Наднях одесская газета «Черноморская коммуна» подробно описала, как в одном одесском санатории встретились работницы из Каунаса и Ковно.

До сих пор мы, по простоте своей, полагали, что Каунас и Ковно — один и тот же город. Но одесской газете, очевидно, виднее. В таком случае необходимо внести соответствующие исправления в географические справочники. В частности просим «Черноморскую коммуну» сообщить, какое расстояние между Каунасом и Ковно, как часто ходят поезда, стоимость железнодорожного билета, а также возможные подробности о городе Ковно, так как в учебниках этот город почему-то пропущен.

Шофер Н. ДУШИН

Одесса.

Дорогой Крокодил!

Странные товарищи работают в периферийных конторах треста Союзпроммеханизация. Каждый раз они готовы немедленно выехать на совещание в Москву по телеграфному вызову управляющего трестом Воробьева. И каждый раз бывают глубоко разочарованы, когда на следующий день получают другую телеграмму за подписью того же Воробьева с отменой совещания. Так было несколько раз в 1940 году, так продолжается и в 1941 году.

Товарищи из периферийных контор Союзпроммеханизации, на собственном опыте заверяю вас: когда Воробьев вызывает в Москву на совещание, — спокойно сидите дома; когда же приходит телеграмма с отменой совещания, — немедленно готовьтесь в путь.

А. АРВИН,

инженер

Свердловск.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц. Изд-во „Правда“.

А 37811. Москва. Изд. № 411

Подписано к печати 1/IV 1941 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1054. Тираж 271 000 экз.

Получ.
в ред.

— Вы так называемая свободная Франция? Ну что ж, вы свободны!

ЮГ
41